

Матеріали і дослідження
з археології Прикарпаття і Волині.
2015. Вип. 19. С. 187–192.

Сергій КУЗЬМІНИХ,
Анатолій УСАЧУК

ЛИСТИ МИКОЛИ МАКАРЕНКА ДО ЕЛЛІСА МІННЗА
(КЕМБРИДЖСЬКА КОЛЕКЦІЯ)

Студіюючи питання історії вітчизняної археології 20–30-х років минулого сторіччя, автори давно звернули увагу на таку яскраву фігуру, як Микола Омелянович Макаренко (1877–1938). Вдалося знайти, опрацювати й опублікувати матеріали, пов’язані з діяльністю вченого – листи, малюнки, результати розкопок, офіційні документи [Кузьмiних, Усачук, 2008; 2011; Усачук, 2012а; 2012б; та ін.]. Нещодавно авторам вдалося ознайомитися з листами М. Макаренка відомому англійському археологу Еллісу Хоуеллу Міннзу (1874–1953). Листи відкриті у фонді Е. Міннза у *Cambridge University Library* [Minns Add. 7722, тека № 586]. Всього тут зберігається 16 листів і листівок, адресованих англійському вченому між 1927 і 1933 рр.

Лист № 1 (від 31.10.1927 р.) свідчить, що обидва дослідники якимось спілкувалися один з одним раніше. Втім, судячи з відповідей українського археолога в цьому листі на питання “*Іллі Єгоровича*” (так зверталися до Е. Міннза археологи з Росії та СРСР, так само як до відомого фінського дослідника А. Тальгрена зверталися “*Михайло Маркович*”), можна припустити, що до кінця жовтня 1927 р. обидва вчених вже обмінювалися листами. Крім того, з тексту 16 листів, що збереглися, ми дізнаємося ще про 4 листи, яких з невідомих причин (не дійшли?) немає у фонді Е. Міннза. П’ятнадцять разів М. Макаренко писав англійському колезі з Києва і тільки один лист (№ 6, від 12.10.1930 р.) – з Маріуполя, коли був на розкопках-знаменитого у майбутньому Маріупольського могильника.

Майже в усіх листах М. Макаренка Е. Міннзу звучить один мотив – книги. Ми відзначали, що розмова про книги – постійна тема листування М. Макаренка і А. Тальгрена [Кузьмiних, Усачук, 2011, с. 198]. Те ж можна сказати і про його листи Е. Міннзу: “*В Мае місяце я отпривил вам несколько своих работ*” (№ 1, від 31.10.1927 р.); “*Раньше я выписывал все необходимые книги, денег на это не жалел. Теперь же едва хватает на самое элементарное. О покупке книг думать не приходится. Раньше я не задумался бы выписать и Вашу “The Russian Icon”. Я книгу очень люблю, и всё то, что выходило в области меня интересующей, по искусству древнему особенно, покупал. Теперь же Ваша работа для меня недосыгаема. <...> В течение месяца выйдет несколько моих мелких работ – сочту своим долгом послать их Вам*” (№ 2, від 14.12.1927 р.); “*Третьего дня получил Вашу “The Russian Icon”. Это подарок и неожиданный и ценный для меня*” (№ 4, від 12.05.1928 р.); “*Летом прошлого 1929 года от Вас же я получил работу М[ихаила]Р[остовцева]¹ “Средняя Азия, Россия, Китай и звериный стиль”* (№ 5, від 4.02.1930 р.) (рис. 1); “*Просил письменно Академию наук послать Вам “Кийські Зборники”. Вы их получили*” (№ 7, від 25.03.1932 р.); “*Книгу М.И. Р[остовцева] “The Animal Style” с большой благодарностью прошу у Вас. Если Вам нужны еще какие-либо издания нашей академии, я с удовольствием устрою*” (№ 8, від 18.04.1932 р.); “*В Европе издано так много интересных книг <...> по археологическим вопросам, что я даже начинаю завидовать тем, кто имеет возможность ими пользоваться*” (№ 10, від 27.11.1932 р.); “*У меня настоящий книжный голод. Выписать ничего не могу, ни на одну копейку, а потребность в ознакомлении, как движется любимая мной дисциплина, большая. Больших археологов у нас в Киеве нет. Не с кем поделиться мыслями, не у кого спросить о том, в чем сам сомневаешься; вот тут-то книжка и является и другом и советником. В былые времена я*

¹ Тут і далі скорочення відновлені і даються у квадратних дужках; в кутових дужках – пропуски в цитатах. В кінці кожної цитати – номер та дата листа. Як виняток в деяких листах збережено особливості письмової мови М. Макаренка (“*исследования*”, “*безпокойно*” та ін.). Нумерацію листів проставлено відповідно до дат написання того чи іншого листа або листівки.

много книг и выписывал и покупал” (№ 12, від 12.02.1933 р.); “Приношу Вам мою искреннюю и глубокую благодарность за присылку книг” (№ 15, від 14.06.1933 р.). Цікава деталь: Е. Міннз попросив М. Макаренка вислати йому словники української мови: “Относительно словарей могу сообщить, что таковые имеются и одной из ближайших посылок я Вам направлю и укр[аинско]–российский и рос[сийско]–укр[аинский]” (№ 2, від 14.12.1927 р.). Мабуть, добре знаючи російську мову, Міннз бажав більш точно розуміти і статті в україномовних збірниках, які час від часу приходили з Києва.

Ошибка! Ошибка внедренного объекта.Крім книг, у листах М. Макаренка йде розмова про археологічні дослідження. Іноді це коротка згадка: “Наступающим летом мне предстоит произвести много археологических работ, если позволит здоровье” (№ 3, від 27.04.1928 р.); “Только сейчас возвратясь из длительной командировки – пробыл на археологических раскопках четыре месяца – получил Ваше симпатичное письмо” (№ 10, від 27.11.1932 р.). Іноді ми стаємо свідками якихось бюрократичних зволікань: “Дело в том, что и до сих пор нам ничего неизвестно, будут ли производимы исследования и какие будут у нас возможности. Ни в одном из предшествующих годов такой неизвестности в эти месяцы не было. Мы знали уже официально в марте месяце, кто и куда направляется и сколько имеет в своем распоряжении средств. Ждем со дня на день этой известности” (№ 14, від 11.05.1933 р.). Зауважимо, що в середині травня Микола Омелянович чекав з дня на день закінчення цієї тяганини з боку адміністрації ВУАК, але питання про проведення і фінансування розкопок у 1933 р. були вирішені тільки наприкінці літа. Це стає зрозуміло з чергового листа Е. Міннзу: “Только что вернулся из раскопок, пробыл около трех месяцев на работе. <...> Я лично до августа месяца не думал быть на раскопках и лишь в конце августа получено было известие о назначении незначительных средств на исследования. Средства были настолько малы, что рассчитывать на длительные раскопки нельзя было. Потом они были увеличены, и я заканчивал уже во время снега и морозов” (№ 16, від 31.12.1933 р.).

Окремо зупинимося на єдиному листі, який М. Макаренко написав Е. Міннзу восени 1930 р. з місця розкопок Маріупольського могильника. Микола Омелянович з самого початку розкопок усвідомив унікальність пам’ятки, і лист англійському колезі став першою спробою познайомити зарубіжних фахівців з матеріалами могильника: “Глубокоуважаемый Илья Егорович! Прежде всего позвольте извиниться за недопустимую бумагу на которой пишу². Но, это единственно что я могу иметь. Пишу вам з места раскопок где работаю уже два месяца.

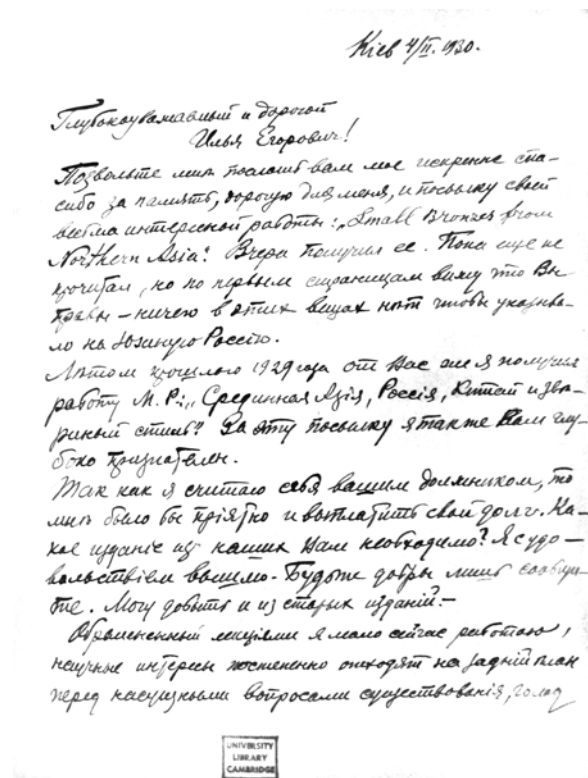

Рис. 1. Один з листів Миколи Макаренка Еллісе Міннзу (№ 5, від 4.02.1930 р.) з колекції Кембриджської університетської бібліотеки

Fig. 1. One of Mykola Makarenko's letters to Ellis Minnz (№ 5, from 4.02.1930) from the collection of the Cambridge University Library

² Зауважимо, що при вивченні повсякденного життя археологів України 20–30-х рр. минулого сторіччя сучасні дослідники радять звертати увагу і на такі деталі, як якість паперу [Колесникова, Яненко, 2012, с. 160]. Порівняємо з припискою в листі І. Фабриціус А. Тальгрену від 21.06.1932 р.: “Простите неприличную внешность письма: таковы бытовые условия, в каких я нахожусь” [РОБХУ, коллекция 230].

Тут, этими днями получил и Ваше письмо от 30/VIII. пересланное мне с квартиры сначала в Сталино (Юзовка), а потом уже сюда.

Завидую Вашей свободе и возможности передвижения из страны в страну. Осмотр стольких музеев, встреча с специалистами и обогащает и освежает работника. Я же засиделся, заплесневел, от своей литературы отстал. Единственная отрада – археологические исследования, над которыми я провожу все свободное время. Вот и сейчас – открыл необыкновенно ценный могильник конца неолита. Весь инвентарь состоит из кремня и кости с затем из камня. Предметы такие: кремневые ножи, скребки, навертыши, из костяных – украшения в большом количестве. Имея в виду что могильников этой эпохи у нас еще не встречено, это первый у нас в союзе, он займет выдающееся место. Любопытны скелеты (погребений открыто 124). черепа у всех очень маленькие, руки и ноги вытянуты. Пальцы рук особенно развиты. Лежат все на спине с протянутыми ногами и сложенными на тазу руками. Лежат головами одни на Восток, другие на Запад, рядом один с другим и один над одним в три слоя. Все пересыпаны и засыпаны красной глиной. Иногда одно погребение сталкивает в сторону кучей кости предшествующего чтобы освободить себе место. Могильник протянут широкой полосой в виде ленты, длиной в 28 метров, при ширине около 2^х метров. Глубина на которой залегал первый, верхний слой ок[оло] 0,75 м. Любопытны украшения из клыков дикого кабана, ими иногда украшена вся грудь, иногда они украшают (венчают) голову, бывают попарно и на шее. Целый ряд пластинок четырехугольных то очень широких, то узеньких с нарезками (украшениями) и с дырочками для прикрепления украшают повидимому одежду. Они идут целыми рядами. Бусы из кости и из перламутра – в большом количестве. Два изображения животных из кости. Обилие скребков обычных и в форме ножей.

Извините, Илья Егорович, может быть Вам совершенно неинтересны эти подробности. Мне это все кажется так интересным!...

Хотелось бы издать в подобающем виде весь этот материал, да едвали это удастся. Нет возможности. –

Домой возвращусь недели через две. <...>Преданный Вам Н. Макаренко. [підпис] (№ 6, від 12.10.1930 р.).

Значимо, що М. Макаренко трохи пізніше написав великого листа про тільки що відкритий могильник і А. Тальгрена [Кузьминых, Усачук, 2011, с. 203], з яким був у ще більш інтенсивному листуванні, ніж з Е. Міннзом: “Дорогой Михаил Маркович! Давно не имею от вас никаких известий. Забыли меня. Я же не забыл Вас и пишу вот по какому случаю. Хочу если не похвастаться, то во всяком случае похвалится своими археологическими работами, которые производил летом 1930 года. Думаю что они Вас не могут не заинтересовать.

На берегу Азовского моря при устье р. Калмиус исследовал я необыкновенный могильник. На глубине ок[оло] 1,50 м. от поверхности, под обычной черной землей, в слое глины была длинная, около 28 метр[ов] длиной при ширине ок[оло] 2^х метров яма-полоса засыпанная ярко красной глиной. В ней лежало 124 скелета головой то на Запад, то на Восток. Только эти два направления и были. Сама яма длиной направлена была с Севера на Юг. Костяки лежали на спине, с протянутыми конечностями, иногда с руками положенными на таз. Лежали они близко один от другого, иногда один над другим в три ряда. На основании многих признаков, погребения произведены в разное время, на протяжении нескольких десятков лет, может быть и больше. При погребениях – обильный инвентарь из кремня и кости. Особую роль играют клыки дикого кабана и вырезанные из этого материала пластинки. Их очень много.

Из кремня – изящные тонкие, длинные ножи, различной формы скребки, навертыши. Но ни одной стрелки. Несколько оббитых с боков клиньев но с прекрасно шлифованным лезвием. Из раковин бусы и бусы перламутровые разных форм. Кроме того бусы костяные. Из камня – порфирида великолепная привеска и клин. Из других камней – точилки.

Инвентарь богатый, но несколько однообразный.

Опишу одно из погребений: (видимо женское) костяк – на спине с протянутыми ру [закреслено] ногами и положенной одной рукой на таз, другой вдоль туловища, на голове – два клыка кабана, на шее тоже два клыка, на груди бусы из перламутра, на поясе ряд пластинок выпиленных из клыка дикого кабана, под коленями ряд таких же пластинок ниже колен – тоже, над ступнями такой же ряд.

Все костяки небольшого размера, головы их очень маленькие. Долихоцефвалы. Костяки плохой сохранности.

Нигде никаких признаков металла. Ни одной вещи керамической. Точно они не знали керамики.

Материал совершенно необычный. Он имеет ~~ближайшую~~ [закреслено] аналогию с могильником Витковского³ в Енисейской губ[ернии] (Тр[уды] V Арх[еологического] Съезда) но и то отдаленную⁴. У нас собираются издавать этот материал, но я скептик, едва ли это состоится, а мне очень бы хотелось не затягивать издание, как обычно у меня затягиваются все мои работы. – <...> Искр[енне] Ваш Н. Макаренко [підпис] (№ 30, від 25.01.1931 р.).

На Донбасі М. Макаренко крім Маріупольського могильника впродовж 1930–1933 рр. розкопав понад два десятки курганів [Усачук, 1990; 1993; Кузьминых, Усачук, 2011, с. 204]. Ці дослідження також відбилися у листуванні з англійським колегою: “Только что прошедшим летом я работал, как и в прошлом году, исключительно над исследованием культуры скорченных и окрашенных скелетов. И вот Вам новость: уже исследовано четыре больших кургана (из многих десятков исследованных), в которых найдены типичные для этой культуры погребения и вещи и вместе с тем на этих курганах – каменные бабы. Придется пересмотреть вопрос о происхождении каменных баб. Вот как далеко они доходят. Я не сомневаюсь в существовании каменных баб у скифов (ибо есть бабы с типичными скифскими аксессуарами в убранстве), но не думал, что они идут еще глубже, именно в культуру доскифскую к скорченникам и окрашенным скелетам. А это так” (№ 10, від 27.11.1932 р.); “Собрал прекрасный материал по эпохе медно-бронзовой” (№ 16, від 31.12.1933 р.). Порівняємо ці рядки з листами українського вченого до А. Тальгрена: “За три последних года я увлекся культурой скорченников, раскопал немало курганов и добыл весьма ценные данные” (від 19.04.1933 р.); “Прекрасный материал собрал за несколько лет раскопок в области скорченных костяков” (від 24.03.1934 р.) [Кузьминых, Усачук, 2011, с. 203, 204].

Цікаві деталі того часу, які ми бачимо у листах до “Іллі Єгоровича” – відгомони повсякденного життя українського археолога. Вони не настільки великі, як у листах М. Макаренка до А. Тальгрена [Кузьминых, Усачук, 2011, с. 206–210], але містять деколи інформацію, яка не прозвучала в листах до фінського вченого: “Здесь на Украине трудно работать. Мои прежние приятели и сослуживцы либо умерли, либо в эмиграции” (№ 1, від 31.10.1927 р.); “Одна беда – раскопок делаем много, публикаций о них не печатаем” (№ 3, від 27.04.1928 р.); “Приходится в большинстве случаев печатать мелочи, состряпанные наспех, в промежутках между тьмой служебных и иных занятий, не сосредоточившись, безпокойно, в постоянной суете под давлением материальных, а еще более моральных невзгод, несчастий” (№ 4, від 12.05.1928 р.); “Обремененный лекциями, я мало сейчас работаю, научные интересы постепенно отходят на задний план перед насущными вопросами существования, голод весьма ощутительно сказывается и на физическом и на моральном состоянии. Кое над чем работаю, но медленно, вяло. Нет стимула, нет литературы” (№ 5, від 4.02.1930 р.)⁵; “Ах, как бы

³ М. Витковский (1844–1892) – археолог, музейний діяч. Польський дворянин, брав участь у повстанні 1863–1864 рр. Відбував каторгу, потім був на засланні у Прибайкаллі. У 1873 р. переїхав до Іркутська, з 1874 р. працював консерватором в Іркутському музеї. У 1880–1881 рр. відкрив і досліджував неолітичний Кітійський могильник. Докладніше див.: [Матющенко, 2001, с. 39–40; Горбунова, 2013].

⁴ М. Макаренко має на увазі наступні роботи: [Витковский, 1887а; 1887б].

⁵ Порівняємо з рядками з листа А. Тальгрена: “Теперь много времени уходит на лекции, чем я и живу, наукой заниматься приходится мало, не до нее. Кроме того, отсутствие литературы окончательно парализует работу. <...> Плохо живется. Недодание сказывается все сильнее и сильнее. С искренним приветом и лучшими пожеланиями. Н. Макаренко [підпис]” (№ 28, від 15.03.1930 р.).

хотелось быть в Лондоне, на съезде. У меня дома имеется очень важный доклад для этого съезда. Хорошо было бы, если бы организац[и]онный комитет съезда обратился к нашему Комиссариату Народн[ого] просвещения и вызвал бы меня на съезд” (№ 8, від 18.04.1932 р.); “Если бы Вы знали, как больно мне было получить отказ в поездке на конгресс! Я так хотел Вас видеть<...>. Так много было о чем поговорить. Так много у нас накопилось всякого материала” (№ 10, від 27.11.1932 р.); “А вот, неудобно ли, каково культурное отношение Римской академии к Украинской: первый том “Записок” Археологического комитета был послан Академией наук в Римскую, с просьбой вступить в обмен изданиями. На это был получен от Римской академии ответ, гласящий, что Римская академия не находит ничего для себя интересного в издании Украинской академии и отказывается вступить в обмен. Вот это называется культурным отношением!!! У нас об этом много говорят. Хороши же итальянские ученые!!!” (№ 15, від 14.06.1933 р.); “С некоторых пор я все опаздываю, все делаю несвоевременно, одно забываю, другое поздно вспоминаю. Все это происходит или от того, что у меня жизнь складывается с неприятностями, не от меня зависящими, или отчего-либо иного – трудно мне быть судьей для самого себя <...> во время моей командировки без уведомления меня, Правление Академии наук распорядилось сломать замки части моего помещения, выкинуть оттуда вещи <...> в подвал, а там за два месяца их раскрави, растащили, порвали, побили. <...> Еще далее – я чувствую, что с каждым годом я все более и более отстаю от тех научных приобретений, которыми обогащается наша дисциплина. Литература не доходит. Собранный мною колоссальный научный материал с трудом удастся обрабатывать” (№ 16, від 31.12.1933 р.). У цьому ж листі М. Макаренко пише далі: “На будущее лето предположительно думаю о больших раскопках”. На жаль, у 1934 р. українському вченому вже не вдалося розпочати не те що великі, а й хоч якісь розкопки, тому що 26 квітня 1934 р. М. Макаренко заарештували. Почалися допити, що закінчилися вироком – три роки заслання.

Проте того ж 1934 р. Микола Омелянович затримався у Києві на літо – взяв участь у роботі комісії з питання знесення Михайлівського собору [Макаренко, 1992, с. 58; Коренюк, 2007, с. 49]. Скоріш за все, вчений виїхав на заслання на початку вересня. Відомо, що 28 серпня 1934 р. М. Макаренко ще був у Києві, розмовляв з художником професором В. Фроловим в його майстерні (“28-е серпня. <...> Сьогодні був М.О. Макаренко і захоплювався виглядом мозаїки із зворотного боку – справді, набір із зворотного боку виглядає як багатий килим <...>” [Фролов, 1990/1991, с. 39] – мова йде про фрагменти мозаїки Михайлівського Золотоверхого монастиря). Але на засіданні комітету з результатів дослідження архітектури Михайлівського монастиря 11 вересня Миколи Омеляновича вже не було [Коренюк, 2007, с. 49], тобто, вислання вченого сталася між цими датами. У 1934 р. М. Макаренко вже не писав листи до Кембриджу.

Листування М. Макаренка і Е. Міннза є важливим джерелом з історії української археології 1920–1930-х рр. Листи українського археолога відображають непрості життєві та наукові реалії того часу. Нам ще незрозумілі всі нюанси цих листів. Потрібна дослідна робота по з’ясуванню деяких деталей. Однак зрозуміло, що безумовно, кембриджська колекція листів Миколи Макаренка потребує повної публікації.

ЛІТЕРАТУРА

Витковский Н.И.

- 1887а Краткий отчет о раскопке могилы каменного периода в Иркутской губернии, произведенной в 1880 году // Труды V Археологического Съезда в Тифлисе 1881. – М. – С. 264–277.
- 1887б О раскопке могилы каменного века в Иркутской губернии, на левом берегу р. Ангары, произведенной летом 1881 г. // Труды V Археологического Съезда в Тифлисе 1881. – М. – С. 278–320.

Горбунова Т.А.

- 2013 Опыт интерпретации археологического материала с использованием комплексного подхода в трудах Н.И. Витковского // Вестник Томского государственного университета. История. – № 2(22). – Томск. – С. 162–165.

Колесникова В.А., Яненко А.С.

- 2012 Жизнь археолога в повседневном измерении как одно из направлений истории археологии // Евразийский археолого-историографический сборник. – СПб.–Красноярск. – С. 153–160.

Коренюк Ю.

- 2007 Микола Макаренко – дослідник середньовічного стінопису // Студії мистецтвознавчі. – Ч. 3(19): Архітектура. Образотворче та декоративно-ужиткове мистецтво. – К. – С. 39–62.

Кузьминых С.В., Усачук А.Н.

- 2008 Письма С.А. Локтюшева А.М. Тальгрену // Краеведческие записки. – Луганск. – Вып. IV. – С. 59–65.

Кузьминых С.В., Усачук А.Н.

- 2011 “Милльон этой власти проклятий!..” (письма Н.Е. Макаренко А.М. Тальгрену) // История археологии: личности и школы. Материалы Международной научной конференции к 160-летию со дня рождения В.В. Хвойки. – СПб. – С. 195–216.

Макаренко Д.С.

- 1992 Микола Омелянович Макаренко. – К. – 166 с.

Матющенко В.И.

- 2001 Триста лет истории сибирской археологии. – Т. I. – Омск. – 179 с.

Усачук А.Н.

- 1990 Н.Е. Макаренко: срубные материалы // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца: Тезисы докладов областной научно-практической конференции. – Луганск. – С. 114–117.

Усачук А.Н.

- 1993 Раскопки Н.Е. Макаренко и В.М. Евсеева на территории Донецка // Донецкий археологический сборник. – Донецк. – Вып. 3. – С. 46–52.

Усачук А.Н.

- 2012а Из истории украинской археологии: альбом рисунков и письма Н.Е. Макаренко // Евразийский археолого-историографический сборник. – СПб., Красноярск. – С. 93–103.

- 2012б К истории отечественной археологии: альбом рисунков Н.Е. Макаренко из фондов Донецкого краеведческого музея // Археологія і давня історія України. – К. – Вып. 9: Історія археології: дослідники та наукові центри. – С. 315–324.

Фролов В.

- 1990/1991 Соборы наших душ. 4. Робочий щоденник зняття і консервації мозаїк Михайлівського монастиря в Києві (1934 року) // Пам'ятки України. – № 4. – С. 35–39.

***Sergiy KUZ'MINYKH,
Anatoliy USACHUK***

LETTERS FROM N. MAKARENKO TO E. MINNZ (CAMBRIDGE COLLECTION)

The article deals with the collection of letters by Ukrainian archaeologist M. Makarenko, written to English archaeologist Professor E. Minnz in the period of 1927–1933. The letters are kept in the Cambridge University Library. We provide the extracts from the letters that give the possibility both to see the details of everyday life of the Ukrainian scientist and to understand better the details of archaeological life in Kyiv at that time. The authors pay particular attention to the first analysis of the excavations of Mariupol burial by M. Makarenko. There is the comparison of the letters with the results of the unique cemeteries research written by M. Makarenko to E. Minnz and A. Tallgren.